

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ

в прозе

Чарльз Диккенс

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
ПЕСНЬ в прозе

«Автор»

2026

Диккенс Ч.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ в прозе / Ч. Диккенс — «Автор»,
2026

В канун Рождества старый скряга Эбenezер Скрудж, ненавидящий праздник и всех вокруг, получает шанс на исправление. Его посещают три Духа — Прошлого, Настоящего и Будущего. Они показывают ему его одинокое детство, упущенную любовь, бедную, но счастливую семью его клерка и собственную могилу. Эта история о том, что никогда не поздно изменить жизнь. Наш перевод сохраняет диккенсовский юмор, иронию и трогательность, но говорит с читателем на естественном, современном русском языке — без устаревших оборотов, с лёгкой адаптацией ритма и диалогов для сегодняшнего восприятия.

© Диккенс Ч., 2026

© Автор, 2026

Чарльз Диккенс

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ в прозе

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я постарался в этой маленькой святочной книжке вызвать призрак некой Идеи — такой, чтобы она не испортила моим читателям настроения: ни с самими собой, ни друг с другом, ни с этим праздником, ни со мной. Пусть она мирно бродит по их домам, и пусть никому не захочется её изгнать.

Их верный друг и слуга
Ч. Д.

Декабрь 1843

СТРОФА ПЕРВАЯ ПРИЗРАК МАРЛИ

Начнём с того, что **Марли был мёртв**. Тут никаких сомнений. Свидетельство о погребении подписали священник, писарь, распорядитель похорон и главный скорбящий. Скрудж подписал тоже. А имя Скруджа на бирже было весомым — за что бы он ни брался. Старый Марли был мёртв **как дверной гвоздь**.

Сразу оговорюсь: я лично не знаю, что именно в дверном гвозде такое особенно мёртвое. Я бы, пожалуй, решил, что гробовой гвоздь — самая мертвецкая железка из всего ассортимента. Но мудрость предков закрепилась именно в этом сравнении, и я, грешным делом, лучше не буду его трогать — ещё накликаешь беду. Поэтому позвольте мне с чувством повторить: Марли был мёртв, как дверной гвоздь.

Знал ли Скрудж, что он мёртв? Ещё бы. Как могло быть иначе? Они с Марли были партнёрами — уж и не вспомню сколько лет. Скрудж был его единственным душеприказчиком, единственным администратором, единственным правопреемником, единственным наследником оставшегося имущества, единственным другом и единственным скорбящим. И даже Скруджа это печальное событие не слишком подкосило — он оставался отличным коммерсантом в самый день похорон и отпраздновал их бесспорно выгодной сделкой.

Упоминание о похоронах Марли возвращает меня к исходной точке. Нет сомнений: Марли был мёртв. Это нужно уяснить раз и навсегда, иначе в моей истории не будет ничего чудесного. Если бы мы не были абсолютно уверены, что отец Гамлета умер до начала пьесы, то ничего удивительного не было бы в его ночной прогулке при восточном ветре по собственным крепостным стенам — не более удивительного, чем если бы какой-нибудь пожилой джентльмен после заката рискнул выйти на ветреное место (скажем, на кладбище Святого Павла), к изумлению своего слабоумного сына.

Скрудж никогда не закрашивал имя старого Марли. Так оно и стояло много лет спустя над дверью конторы: **«Скрудж и Марли»**. Фирма была известна под этим именем. Иногда

новички в деле называли Скруджа Скруджем, иногда — Марли, но он отзывался на оба. Ему было без разницы.

О, но он был тем ещё скрягой, этот Скрудж! Жадным, выжимающим, хватающим, скребущим, цепким, алчным старым греховодником! Кремень — острый и жёсткий; из такого кремня никогда не высечь искры щедрости. Скрытный, замкнутый, одинокий — как устрица. Холод внутри него заморозил его и без того старые черты, заострил нос, сморщил щёки, сделал походку жёсткой; глаза покраснели, тонкие губы посинели, и всё это прорывалось сквозь скрежещущий голос. Иней лежал на его голове, на бровях и на жёстком подбородке. Он всегда носил с собой свою низкую температуру; он охлаждал свою контору даже в самые жаркие дни — и не оттаивал ни на градус на Рождество.

Внешние тепло и холод мало влияли на Скруджа. Никакое тепло не могло его согреть, никакая зимняя стужа — пронять. Ни один ветер не дул злее, чем он сам, ни один снег не падал с такой целеустремлённостью, ни один ливень не был так глух к мольбам. Непогода не знала, куда его пристроить. Самый сильный дождь, снег, град или ледяная крупа могли похвастаться перед ним лишь одним преимуществом: они часто выдавали осадки щедро и с душой — Скрудж никогда не выдавал ничего.

Никто на улице не останавливал его с радостным видом: «Дорогой Скрудж, как дела? Когда зайдёшь?» Нищие не кланчили подаяния, дети не спрашивали, который час, ни один мужчина или женщина ни разу в жизни не спросили у Скруджа дороги куда-либо. Даже собаки слепцов, казалось, знали его: завидев его приближение, они тащили хозяев в дверные проёмы или в подворотни, а затем виляли хвостами, словно говоря: «Лучше совсем не иметь глаз, чем иметь дурной глаз, тёмный хозяин!»

Но Скруджу было наплевать! Ему это даже нравилось. Пробираться сквозь людскую толпу, предупреждая всё человеческое сочувствие держаться подальше, — это было для Скруджа самое то, что знатоки называют «высший сорт».

Однажды — а именно в канун Рождества, из всех хороших дней в году — старый Скрудж сидел в своей конторе. Было холодно, промозгло, ветрено; плюс туман. Слышно было, как люди снаружи, во дворе, хрипло ходят взад-вперёд, хлопают себя по грудям и топают по мостовой, чтобы согреться. Городские часы только что пробили три, а уже стемнело — днём вообще не было света, — и в окнах соседних контор пылали свечи, как кровавые пятна на ощутимой бурой пелене воздуха. Туман лился в каждую щель и в каждую замочную скважину; снаружи он был таким густым, что, хотя двор был узким, противоположные дома казались призраками. Глядя, как эта мрачная пелена опускается, скрывая всё вокруг, можно было подумать, что сама природа заваривает где-то рядом своё варево в промышленных масштабах.

Дверь в контору Скруджа была открыта, чтобы он мог наблюдать за своим клерком, который в унылой каморке за стеной (похожей на бак) переписывал письма. У Скруджа был очень маленький огонь, но у клерка — ещё меньше; он выглядел как один-единственный уголёк. Однако пополнить его клерк не мог, потому что Скрудж держал ящик с углём у себя в комнате; и как только клерк появлялся с совком, хозяин предрекал, что им придётся расстаться. Поэтому клерк натянул свой белый шарф и попытался согреться у свечи. Но, не будучи человеком богатого воображения, он в этой попытке потерпел неудачу.

— Весёлого Рождества, дядя! Господь да хранит вас! — раздался весёлый голос.

Это был голос племянника Скруджа. Он подошёл так быстро, что дядя и не заметил его приближения.

— Вздор! — сказал Скрудж. — Чушь!

Племянник Скруджа так разогрелся от быстрой ходьбы в тумане и морозе, что весь сиял; лицо у него было румяное и красивое, глаза блестели, а дыхание дымилось.

— Рождество — чушь, дядя? — сказал племянник. — Вы ведь не серьёзно?

— Серьёзно, — ответил Скрудж. — Весёлое Рождество! Какое у тебя право веселиться? Какая у тебя причина веселиться? Ты и так достаточно беден.

— А ну тогда, — весело возразил племянник, — какое у вас право хандрить? Какая у вас причина быть угрюмым? Вы достаточно богаты.

Не найдя лучшего ответа сгоряча, Скрудж снова сказал:

— Вздор!

И добавил:

— Чушь.

— Не сердитесь, дядя! — сказал племянник.

— Как же мне не сердиться, — ответил дядя, — когда я живу в таком мире дураков? Весёлое Рождество! Подавись ты своим весёлым Рождеством! Что для тебя Рождество? Время платить по счетам без денег? Время обнаруживать, что ты стал на год старше, но ни на час богаче? Время сводить дебет с кредитом и видеть, что все статьи за двенадцать месяцев выставляют тебе счёт? Будь моя воля, — сказал Скрудж негодуя, — всякого идиота, который ходит с «весёлым Рождеством» на устах, следовало бы сварить в собственном пудинге и похоронить с падуновым колом в сердце. Именно так!

— Дядя! — взмолился племянник.

— Племянник! — сурово ответил дядя. — Празднуй Рождество по-своему, а мне дай праздновать по-моему.

— Празднуете! — повторил племянник. — Да вы его вовсе не празднуете.

— Тогда оставь меня в покое, — сказал Скрудж. — Много оно тебе добра принесёт! Много оно тебе добра принесло!

— Есть много вещей, от которых я мог бы получить пользу, но не получил, — ответил племянник. — Рождество в их числе. Но я всегда думал о Рождестве — когда оно наступает, — как о добром времени: добром, прощающем, милосердном, приятном. Это единственное время в длинном календаре года, когда мужчины и женщины словно по молчаливому согласию

распахивают свои запертые сердца и думают о тех, кто ниже их, как о настоящих спутниках по пути к могиле, а не как о каком-то другом племени существ, бредущих другими дорогами. И поэтому, дядя, хотя оно никогда не положило ни гроша в мой карман, я верю, что оно принесло мне добро и принесёт. И я говорю: да благословит его Бог!

Клерк в каморке невольно заплодировал. Тут же осознав неприличие, он сунул кочергу в камин и навсегда затушил последнюю хилую искру.

— Услышу ещё хоть звук с твоей стороны, — сказал Скрудж, — и встретишь Рождество, лишившись места! Вы, сэр, довольно сильный оратор, — добавил он, поворачиваясь к племяннику. — Удивительно, как это вы не идёте в парламент.

— Не сердитесь, дядя. Давайте лучше! Обедайте с нами завтра.

Скрудж ответил, что увидит его — да, именно так. Он высказался предельно ясно: он увидит его раньше в аду.

— Но почему? — воскликнул племянник. — Почему?

— Зачем ты женился? — спросил Скрудж.

— Потому что влюбился.

— Потому что влюбился! — проворчал Скрудж так, словно это было единственное на свете, что ещё смешнее весёлого Рождества. — Добрый день!

— Нет, дядя, но вы ведь и до того никогда не приходили. Зачем же теперь приводить это как причину не приходить?

— Добрый день, — сказал Скрудж.

— Мне ничего от вас не нужно, я вас ни о чём не прошу, почему бы нам не быть друзьями?

— Добрый день, — сказал Скрудж.

— Мне искренне жаль, что вы так непреклонны. У нас никогда не было ссоры, в которой я бы участвовал. Но я попробовал из почтения к Рождеству — и буду сохранять рождественское настроение до конца. Итак, весёлого Рождества, дядя!

— Добрый день! — сказал Скрудж.

— И счастливого Нового года!

— Добрый день! — сказал Скрудж.

Племянник вышел из комнаты без единого гневного слова. Он остановился у наружной двери, чтобы поздравить клерка с праздником; и клерк, несмотря на холод, был теплее Скруджа, потому что ответил сердечно.

— Ещё один тип, — пробормотал Скрудж, услышав это. — Мой клерк, с пятнадцатью шиллингами в неделю, с женой и семьёй, рассуждает о весёлом Рождестве. Сам в Бедлам подамся.

Этот сумасшедший (клерк), выпуская племянника Скруджа, впустил двух других людей. Это были упитанные джентльмены, приятной наружности; они стояли теперь в конторе Скруджа без шляп. В руках у них были книги и бумаги; они поклонились.

— Кажется, Скрудж и Марли? — сказал один из джентльменов, сверяясь со списком. — Имею ли я честь обращаться к мистеру Скруджу или к мистеру Марли?

— Мистер Марли умер уже семь лет, — ответил Скрудж. — Он умер семь лет назад, в эту самую ночь.

— Нет сомнений, что его щедрость достойно представлена его оставшимся партнёром, — сказал джентльмен, предъявляя свои верительные грамоты.

Это уж точно — они были две родственные души. При зловещем слове «щедрость» Скрудж нахмурился, покачал головой и вернул бумаги обратно.

— В это праздничное время года, мистер Скрудж, — сказал джентльмен, беря перо, — особенно желательно, чтобы мы кое-что сделали для бедных и неимущих, которые сейчас сильно страдают. Многие тысячи нуждаются в самых необходимых вещах; сотни тысяч — в элементарных удобствах, сэр.

— Разве нет тюрем? — спросил Скрудж.

— Тюрем предостаточно, — сказал джентльмен, снова откладывая перо.

— А работные дома Союза? — осведомился Скрудж. — Они всё ещё действуют?

— Действуют, — ответил джентльмен. — Хотел бы я сказать, что нет.

— Значит, беговая тюремная дорожка и Закон о бедных в полной силе? — сказал Скрудж.

— Оба очень заняты, сэр.

— О! А я было испугался из ваших первых слов, что что-то случилось и остановило их полезную деятельность, — сказал Скрудж. — Очень рад это слышать.

— Будучи того мнения, что они едва ли обеспечивают массам христианское утешение ни для души, ни для тела, — ответил джентльмен, — некоторые из нас пытаются собрать фонд, чтобы купить бедным немного мяса, питья и средств для обогрева. Мы выбрали это время, потому что именно сейчас, как ни в какое другое, острее всего чувствуется нужда и ликует изобилие. Что мне поставить за вами?

— Ничего! — ответил Скрудж.

— Желаете остаться анонимом?

— Желаю, чтобы меня оставили в покое, — сказал Скрудж. — Раз вы спросили, чего я желаю, джентльмены, вот мой ответ. Я сам не веселюсь на Рождество и не могу позволить себе веселить бездельников. Я помогаю содержать те заведения, что перечислил, — они и так стоят недешево; те, кто плохо живёт, пусть туда и идут.

— Многие не могут туда пойти, а многие предпочли бы умереть.

— Если они предпочитают умереть, — сказал Скрудж, — так пусть умирают и уменьшают избыточное население. Кроме того, извините, я этого не знаю.

— Но вы могли бы знать, — заметил джентльмен.

— Не моё дело, — ответил Скрудж. — Человеку достаточно разбираться в своём деле и не лезть в чужие. Моё занимает меня постоянно. Добрый день, джентльмены!

Поняв, что дальше спорить бесполезно, джентльмены удалились. Скрудж вернулся к работе с улучшенным мнением о себе и в более шутливом настроении, чем обычно.

Тем временем туман и тьма сгустились так, что люди бегали с пылающими факелами, предлагая свои услуги — идти впереди лошадей и указывать путь экипажам. Древняя церковная колокольня, чей хриплый старый колокол всегда подглядывал за Скруджем свысока через готическое окно в стене, стала невидимой и била часы и четверти прямо в облаках — после чего следовала дрожь, словно у колокола там, наверху, стучали зубы от холода. Мороз стал лютым. На главной улице, у угла двора, какие-то рабочие чинили газовые трубы и развели большой огонь в жаровне; вокруг собралась толпа оборванных мужчин и мальчишек, грея руки и в упоении моргая на пламя. Водоразборная колонка осталась в одиночестве; её переливы мрачно замёрзли, превратившись в человеконенавистнический лёд. Яркие витрины магазинов, где веточки и ягоды остролиста потрескивали от жара ламп, делали бледные лица прохожих румяными. Торговля птицей и бакалея превратились в великолепную шутку, в славное зрелище; почти невозможно было поверить, что такие скучные принципы, как купля и продажа, имеют к этому какое-то отношение. Лорд-мэр в своей мощной цитадели — Мэншн-хаусе — отдал приказ своим пятидесяти поварам и дворецким праздновать Рождество так, как подобает дому лорда-мэра. Даже маленький портной, которого он оштрафовал в прошлый понедельник на пять шиллингов за пьянство и кровожадность на улице, размешивал завтрашний пудинг в своей каморке под крышей, пока его тощая жена и младенец отправились покупать говядину.

Всё туманнее и холоднее. Пронизывающий, пронзающий, кусачий холод. Если бы добрый святой Дунстан ушипнул Дьявола за нос такой погодой, а не своими привычными орудиями, тот бы взревел по-настоящему. Какой-то парень с жалким носом, изъеденным холодом (словно кость собаками), нагнулся к замочной скважине Скруджа, чтобы усладить его рождественской песней. Но при первых же звуках:

«Господь храни вас, весёлый господин!»

Пусть ничто не тревожит вас!»

Скрудж с такой энергией схватил линейку, что певец в ужасе бежал, оставив скважину туману и ещё более подходящему морозу.

Наконец настал час закрытия конторы. Скрудж неохотно слез с табурета и молча признал этот факт перед ожидающим клерком в каморке. Тот мгновенно затушил свечу и надел шляпу.

— Тебе, полагаю, нужен весь завтрашний день? — сказал Скрудж.

— Если вам удобно, сэр.

— Неудобно, — сказал Скрудж, — и нечестно. Если бы я вычел за это полкроны, ты бы счёл себя обиженным, бьюсь об заклад?

Клерк слабо улыбнулся.

— И тем не менее, — сказал Скрудж, — ты не считаешь, что меня обижают, когда я плачу дневное жалованье за отсутствие работы.

Клерк заметил, что это бывает только раз в году.

— Бедное оправдание для того, чтобы обкрадывать человека каждое 25 декабря! — сказал Скрудж, застёгивая пальто до подбородка. — Но, полагаю, ты должен получить весь день. Приходи завтра утром как можно раньше.

Клерк пообещал, что придёт, и Скрудж вышел, ворча. Контора закрылась в мгновение ока, и клерк — с длинными концами белого шарфа, болтающимися ниже пояса (ибо пальто он не имел), — проехался на ледяной горке на Корнхилле в хвосте мальчишеской вереницы, двадцать раз туда-обратно, в честь рождественского сочельника, а затем со всех ног припустил домой, в Камден-Таун, играть в жмурки.

Скрудж пообедал своей обычной меланхоличной трапезой в своей обычной меланхоличной таверне, прочёл все газеты, а остаток вечера скоротал с банковской книгой, после чего отправился домой спать. Он жил в апартаментах, которые некогда принадлежали его покойному партнёру. Это была мрачная анфилада комнат в угрюмом доме в глубине двора, где дому, казалось, совсем не место; можно было подумать, что он в молодости играл с другими домами в прятки, забежал сюда и забыл дорогу обратно. Теперь он был достаточно стар и достаточно уныл; никто в нём не жил, кроме Скруджа, остальные комнаты сдавались под конторы. Во дворе было так темно, что даже Скрудж, знавший каждый камень, вынужден был ощупывать путь руками. Туман и иней так облепили чёрные старые ворота дома, что казалось, будто сам Гений Погоды сидит на пороге в печальной задумчивости.

И вот факт: в дверном молотке не было ровно ничего особенного, кроме того, что он был очень большим. Также факт, что Скрудж видел его каждое утро и каждый вечер за всё своё время в этом доме. И ещё факт: у Скруджа было не больше того, что называется воображением, чем у любого другого человека в городе Лондоне, включая (это смелое слово) саму корпорацию, олдерменов и гильдии. И примите также во внимание, что Скрудж ни разу не вспомнил о Марли с того самого момента днём, когда упомянул о своём семилетнем мёртвом партнёре. А теперь пусть кто-нибудь объяснит мне, если сможет, как вышло, что Скрудж, когда

уже вставил ключ в замочную скважину, вдруг увидел в молотке — без всякого промежуточного превращения — не молоток, а **лицо Марли**.

Лицо Марли. Оно не было в непроницаемой тени, как другие предметы во дворе; вокруг него был какой-то мрачный свет, как у плохого омара в тёмном подвале. Оно не было злым или свирепым, но смотрело на Скруджа так, как Марли смотрел при жизни: с призрачными очками, сдвинутыми на призрачный лоб. Волосы странно шевелились, словно от дыхания или горячего воздуха; и, хотя глаза были широко открыты, они оставались совершенно неподвижными. Это, а также мертвенная бледность делали лицо ужасным; но ужас этот был как бы не частью его выражения, а существовал вопреки лицу и помимо его воли.

Пока Скрудж пристально смотрел на это явление, оно снова стало молотком.

Сказать, что он не был потрясён или что его кровь не ощутила ужасного ощущения, незнакомого ему с младенчества, было бы неправдой. Но он положил руку на ключ, который уже отпустил, повернул его решительно, вошёл и зажёл свечу.

Он всё же замешкался на мгновение в нерешительности перед тем, как закрыть дверь; и он заглянул за неё сначала осторожно, словно наполовину ожидая увидеть косичку Марли, торчащую в прихожую. Но за дверью ничего не было, кроме винтов и гаек, на которых держался молоток, поэтому он сказал: «Вздор!» — и с грохотом захлопнул её.

Звук прогремел по всему дому, как гром. Каждая комната наверху и каждая бочка в винном подвале внизу, казалось, отозвались собственным отдельным эхом. Скрудж был не из тех, кого пугают эхо. Он запер дверь, пересёк холл, поднялся по лестнице; медленно, попутно снимая нагар со свечи.

Вы можете смутно рассуждать о том, как въехать в карете шестериком на старую добрую лестницу или через новый скверный акт парламента, — но я утверждаю, что по этой лестнице можно было бы провести катафалк, да ещё и поперёк, с дышлом к стене и дверцей к перилам, и сделать это легко. Ширины хватало с запасом; и, быть может, поэтому Скруджу почудилось, что в темноте перед ним едет катафалк. Полдюжины газовых фонарей с улицы не слишком хорошо осветили бы подъезд, так что вы можете себе представить, насколько темно было при свечке Скруджа.

Скрудж поднимался наверх, не обращая на это внимания. Темнота дешёва, и Скрудж её любил. Но, прежде чем закрыть свою тяжёлую дверь, он прошёлся по комнатам, чтобы убедиться, что всё в порядке. У него осталось достаточно воспоминаний о лице Марли, чтобы захотеть это сделать.

Гостиная, спальня, чулан. Всё как надо. Никого под столом, никого под диваном; в камине маленький огонь; ложка и миска наготове; кастрюлька с овсянкой (у Скруджа был насморк) на конфорке. Никого под кроватью, никого в шкафу, никого в халате, который висел на стене в подозрительной позе. Чулан как обычно: старая каминная решётка, старые башмаки, две корзины для рыбы, умывальник на трёх ножках и кочерга.

Вполне удовлетворённый, он закрыл дверь и заперся изнутри; заперся на два оборота — что ему было не свойственно. Так, обезопасив себя от неожиданностей, он снял галстук, надел халат, туфли и ночной колпак и сел перед камином есть овсянку.

Огонь был очень слабый; ничто в такую лютую ночь. Он вынужден был сесть вплотную к нему и чуть ли не обнимать его, прежде чем из такой горстки топлива удалось извлечь хоть какое-то тепло. Камин был старый, построенный каким-то голландским купцом много лет назад и весь выложенный вокруг причудливыми голландскими изразцами с иллюстрациями к Священному Писанию. Там были Каины и Авели, дочери фараона, царица Савская, ангельские вестники, спускающиеся с небес на облаках, похожих на перины, Авраамы, Валтасары, апостолы, отплывающие в море в маслёнках, — сотни фигур, способных занять его мысли. Но лицо Марли, умершего семь лет назад, явилось, как жезл древнего пророка, и поглотило всё. Если бы каждая гладкая плитка была сначала пустым экраном, способным формировать изображение из обрывков его мыслей, то на каждой из них был бы портрет старого Марли.

— Вздор! — сказал Скрудж и прошёлся по комнате.

Сделав несколько кругов, он снова сел. Когда он откинул голову на спинку кресла, его взгляд случайно упал на ****колокольчик**** — давно не используемый колокольчик, висевший в комнате и сообщавшийся (для какой-то забытой цели) с покоем на самом верхнем этаже. К крайнему изумлению и со странным, необъяснимым страхом он увидел, что этот колокольчик

начинает раскачиваться. Сначала он качался так тихо, что почти не издавал звука; но вскоре зазвонил громко — и следом за ним зазвонили все колокольчики в доме.

Это могло длиться полминуты или минуту, но показалось часом. Колокольчики смолкли так же, как начали — все сразу. Им на смену пришёл лязгающий звук, глубоко внизу, будто кто-то тащил тяжёлую цепь по бочкам в винном подвале. Тут Скрудж вспомнил, что слышал о привидениях: они, говорят, таскают цепи.

Дверь в подвал распахнулась с гулким звуком, и тогда он услышал шум гораздо громче — на нижних этажах; затем шум поднялся по лестнице; затем направился прямо к его двери.

— Всё равно вздор! — сказал Скрудж. — Не поверю.

Но краска отхлынула с его лица, когда шум, не останавливаясь, прошёл сквозь тяжёлую дверь и вступил в комнату прямо у него на глазах. При его появлении умирающее пламя в камине вспыхнуло, словно вскрикнув: «Я знаю его! Это призрак Марли!» — и снова упало.

То же самое лицо. Точь-в-точь. Марли в своей косичке, в привычном жилете, трико и сапогах; кисточки на сапогах топорщатся, как и косичка, и фалды сюртука, и волосы на голове. Цепь, которую он волочил, была обмотана вокруг его талии. Длинная, обвивала его, словно хвост; и сделана она была — Скрудж разглядел — из денежных ящиков, ключей, висячих замков, гроссбухов, векселей и тяжёлых кошельков из кованого железа. Тело его было прозрачным; так что Скрудж, глядя на него и видя насквозь жилет, мог разглядеть две пуговицы на сюртуке сзади.

Скруджу часто говорили, что у Марли нет кишок, но до сих пор он не верил.

Впрочем, не поверил и теперь. Хотя он смотрел сквозь призрака и видел его стоящим перед собой; хотя чувствовал леденящее влияние его мёртвенно-холодных глаз и различал даже ткань повязки, обмотанной вокруг головы и подбородка (чего раньше не замечал), — он всё ещё не верил и боролся со своими чувствами.

— Ну и что? — сказал Скрудж, едкий и холодный как всегда. — Чего тебе от меня надо?

— Многого! — Голос Марли, без сомнения.

— Кто ты?

— Спроси, кем я был.

— Кем же ты был? — спросил Скрудж, повышая голос. — Вы придирчивы, для тени. — Он хотел сказать «до тени» (*particular to a shade* — до мелочей), но передумал и заменил на «для тени».

— При жизни я был твоим партнёром, Джейкоб Марли.

— А ты... ты можешь сесть? — спросил Скрудж, с сомнением глядя на него.

— Могу.

— Так садись.

Скрудж спросил потому, что не знал, сможет ли такое прозрачное привидение сесть на стул; и чувствовал, что если нет, то возникнет необходимость в неловких объяснениях. Но призрак сел напротив камина — совершенно как обычно.

— Ты не веришь в меня, — заметил Призрак.

— Не верю, — сказал Скрудж.

— Какое доказательство моей реальности, кроме твоих собственных чувств, ты хотел бы получить?

— Не знаю, — сказал Скрудж.

— Почему же ты сомневаешься в своих чувствах?

— Потому что, — ответил Скрудж, — их легко обмануть. Лёгкое несварение желудка — и они уже врут. Ты можешь быть непереваренным куском говядины, пятном горчицы, крошкой сыра, ошметком сырой картошки. В тебе больше подлив, чем могилы, кем бы ты ни был!

Скрудж не имел привычки острить, да и на душе у него не было ни малейшей игривости. Правда в том, что он пытался казаться умником, чтобы отвлечь себя и подавить страх, — потому что голос призрака леденил костный мозг.

Посидеть молча, уставившись в эти неподвижные стеклянные глаза, — Скрудж чувствовал, что это сыграет с ним дьявольскую шутку. К тому же в призраке было что-то ужасное: его окружала собственная адская атмосфера. Скрудж сам её не ощущал, но это было очевидно; ибо, хотя Призрак сидел совершенно неподвижно, его волосы, фалды и кисточки всё ещё колебались, словно от жара печи.

— Ты видишь эту зубочистку? — быстро вернулся к атаке Скрудж (по только что упомянутой причине, желая хоть на секунду отвлечь от себя каменный взгляд видения).

— Вижу, — ответил Призрак.

— Ты не смотришь на неё, — сказал Скрудж.

— А я её вижу, — сказал Призрак.

— Что ж! — ответил Скрудж. — Стоит мне её проглотить — и до конца дней меня будут преследовать легионы гоблинов, которых я сам же и породил. Вздор, говорю тебе! Вздор!

При этих словах дух издал ужасающий вопль и так страшно и жутко затряс своей цепью, что Скрудж вцепился в кресло, чтобы не упасть в обморок. Но каков же был его ужас, когда призрак снял повязку с головы — словно ему стало слишком жарко носить её в помещении, — и его нижняя челюсть отвисла аж до самой груди!

Скрудж упал на колени и закрыл лицо руками.

— Пощади! — сказал он. — Ужасное привидение, зачем ты меня мучаешь?

— Человек земной души! — ответил Призрак. — Веришь ты в меня или нет?

— Верю, — сказал Скрудж. — Приходится. Но зачем духи ходят по земле и зачем они приходят ко мне?

— Каждому человеку суждено, — ответил Призрак, — чтобы дух его ходил среди других людей и странствовал далеко и широко; и если этот дух не выходит на люди при жизни, он осуждён делать это после смерти. Ему суждено скитаться по свету — о, горе мне! — и видеть то, в чём он не может участвовать, но мог бы участвовать на земле и обратить в счастье!

Призрак снова издал вопль, затряс цепью и заломил свои бесплотные руки.

— Ты закован в цепи, — сказал Скрудж дрожа. — Скажи, почему?

— Я ношу цепь, которую сам сковал при жизни, — ответил Призрак. — Я сделал её звено за звеном, ярд за ярдом; я сам надел её по своей воле и по своей воле носил. Тебе незнаком её узор?

Скрудж задрожал ещё сильнее.

— Или ты хочешь узнать, — продолжал Призрак, — вес и длину той крепкой цепи, которую носишь ты сам? Семь лет назад, в этот самый сочельник, она была такой же тяжёлой и длинной, как эта. С тех пор ты усердно над ней трудился. Тяжёлая у тебя цепь!

Скрудж оглядел пол вокруг себя, ожидая увидеть себя окружённым пятьюдесятью-шестьюдесятью саженьями железного каната — но ничего не увидел.

— Джейкоб, — сказал он умоляюще. — Старый Джейкоб Марли, расскажи ещё. Скажи что-нибудь утешительное, Джейкоб!

— Мне нечем тебя утешить, — ответил Призрак. — Утешение приходит из иных краёв, Эбенезер Скрудж, и передаётся иными посланцами, иным людям. И я не могу сказать тебе даже того, что хотел бы. Мне позволено лишь немного. Я не могу покоиться, не могу останавливаться, не могу нигде задержаться. При жизни мой дух никогда не выходил за пределы нашей конторы — запомни! — при жизни мой дух никогда не бродил дальше этих узких границ нашей меняльной норы; а впереди у меня утомительные путешествия!

У Скруджа была привычка, когда он задумывался, засовывать руки в карманы штанов. Размышляя над словами Призрака, он сделал так и сейчас, но не поднимая глаз и не вставая с колен.

— Должно быть, ты очень медленно это делал, Джейкоб, — заметил Скрудж деловым тоном, хотя и смиренно и почтительно.

— Медленно! — повторил Призрак.

— Семь лет как умер, — задумчиво сказал Скрудж. — И всё время в пути!

— Всё время, — сказал Призрак. — Ни отдыха, ни покоя. Беспрестанная мука раскаяния.

— Ты быстро передвигаешься? — спросил Скрудж.

— На крыльях ветра, — ответил Призрак.

— За семь лет ты мог бы покрыть огромное расстояние, — заметил Скрудж.

Услышав это, Призрак издал ещё один вопль и так жутко загрохотал цепью в мёртвой тишине ночи, что приходской надзиратель имел бы полное право описать его как общественное бедствие.

— О, пленник, связанный, закованный в двойные кандалы! — воскликнул призрак. — Не знать, что пройдут века непрестанного труда бессмертных созданий ради этой земли, прежде чем всё добро, на которое она способна, будет развито! Не знать, что любой христианский дух, добросовестно трудящийся в своей маленькой сфере (какой бы она ни была), найдёт свою земную жизнь слишком короткой для его огромных возможностей быть полезным! Не знать, что никакие угрызения совести не могут искупить упущенную жизненную возможность! А ведь таким был я! О, таким был я!

— Но ты всегда был хорошим дельцом, Джейкоб, — пробормотал Скрудж, который теперь начал примерять это на себя.

— Дело! — воскликнул Призрак, снова заламывая руки. — Человечество было моим делом. Общее благо было моим делом; благотворительность, милосердие, терпимость и добродетельность — всё это было моим делом. Сделки моей торговли были лишь каплей воды в обширном океане моего настоящего дела!

Он вытянул руку с цепью, показывая её — словно она была причиной всей его бесплодной скорби, — и снова тяжело бросил её на пол.

— В это время года, — сказал призрак, — я страдаю больше всего. Зачем я ходил среди толп себе подобных, потупив взгляд, и никогда не поднимал его к той благословенной Звезде, которая привела Волхвов к убогому жилищу! Разве не было бедных домов, куда её свет мог бы привести меня!

Скруджу стало очень не по себе слышать, как призрак продолжает в таком духе, и он начал сильно трястись.

— Выслушай меня! — воскликнул Призрак. — Моё время почти истекло.

— Я слушаю, — сказал Скрудж. — Но не будь со мной слишком строг! Не разводи риторику, Джейкоб! Умоляю!

— Почему я предстаю перед тобой в том облике, который ты можешь видеть, — я не могу сказать. Я сидел рядом с тобой невидимый много-много дней.

Мысль была неприятная. Скрудж вздрогнул и вытер пот со лба.

— Это не самая лёгкая часть моего наказания, — продолжал Призрак. — Я здесь сегодня ночью, чтобы предупредить тебя: у тебя ещё есть шанс и надежда избежать моей участи. Шанс и надежда, которые я для тебя добываю, Эбенезер.

— Ты всегда был мне хорошим другом, — сказал Скрудж. — Спасибо!

— Тебя посетят, — продолжал Призрак, — Три Духа.

Лицо Скруджа вытянулось чуть ли не до такой же длины, как лицо Призрака.

— Это тот самый шанс и надежда, о которых ты говорил, Джейкоб? — спросил он дрожащим голосом.

— Он самый.

— Я... я думаю, я лучше не надо, — сказал Скрудж.

— Без их посещений, — сказал Призрак, — ты не сможешь надеяться избежать пути, по которому иду я. Жди первого завтра, когда часы пробьют час.

— Нельзя ли мне принять их всех сразу и покончить с этим, Джейкоб? — подсказал Скрудж.

— Жди второго в следующую ночь в тот же час. Третьего — в ночь после того, когда последний удар двенадцати перестанет вибрировать. Меня ты больше не увидишь; и ради себя самого помни о том, что между нами произошло!

С этими словами призрак взял со стола свою повязку и снова обмотал вокруг головы. Скрудж понял это по отчётливому звуку, с которым зубы привидения стукнулись, когда челюсти свело повязкой. Он рискнул снова поднять глаза и увидел, что его сверхъестественный посетитель стоит перед ним в вертикальной позе, с цепью, намотанной на руку.

Привидение попятилось от него; и с каждым его шагом окно приоткрывалось всё больше, так что, когда призрак достиг его, оно распахнулось настежь.

Он поманил Скруджа приблизиться, и Скрудж приблизился. Когда между ними осталось два шага, Призрак Марли поднял руку, предупреждая, чтобы он не подходил ближе. Скрудж остановился.

Не столько из послушания, сколько от удивления и страха: ибо при поднятой руке он слышал в воздухе смутный шум — невнятные звуки жалоб и сожалений; рыдания невыразимо скорбные и самообвинительные. Призрак, послушав мгновение, присоединился к этой печальной песне и выплыл в промозглую, тёмную ночь.

Скрудж подошёл к окну — любопытство его пересилило всё. Он выглянул наружу.

Воздух был полон призраков, которые беспокойно и торопливо блуждали туда-сюда, стелая на ходу. Каждый из них носил цепи, как Призрак Марли; некоторые (возможно, это были провинившиеся правительства) были соединены вместе; ни один не был свободен. Многих Скрудж знал лично при жизни. С одним старым призраком в белом жилете он был даже довольно близко знаком — к лодыжке того был прикован чудовищный железный сейф; призрак жалобно плакал оттого, что не может помочь несчастной женщине с младенцем, которую видел внизу, на крыльце. Мучение их всех было в том, что они стремились вмешаться в людские дела — ко благу, — но навсегда утратили эту возможность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.